

Цзы Янь покорно сидел рядом с Волчонок, вытирая следы слёз и делая небольшие глотки воды. Волчонок протянул ему сигарету, но из-за заложенного носа он не мог почувствовать её вкуса.

Между ними царил неловкая тишина.

— Как... как ваше имя? — с трудом собравшись с мыслями, Цзы Янь наконец нашёл тему для разговора.

Волчонок сказал:

— Можно звать меня Лысым, я...

— Нет, ваше имя, — настаивал Цзы Янь. Он не мог называть его так, особенно учитывая, что этот человек контролировал, насколько больно его брату.

— Моя фамилия Цзюнь, — сдался Волчонок. — Цзюнь Лан.

Цзы Янь, казалось, задумался, существует ли такая фамилия, но, учитывая, что он был из Страны Волков, возможно, это отличалось от его представлений.

Он помедлил и тихо сказал:

— Тогда, брат Цзюнь, пожалуйста, не причиняйте вреда моему брату. Я... я на всё согласен.

Волчонок чуть не поперхнулся, подумав, что это звучит слишком двусмысленно. Что значит «на всё согласен»? Что он может предложить? Видимо, слишком долго общался с теми, кто занимается тёмными делами, и мысли его стали нечисты.

Но он ответил:

— Я с ним ничего не делал, это он меня оклеветал.

Цзы Янь поспешил ответить:

— Нет-нет, я знаю, что вы ничего не сделали, но... мой брат вспыльчивый, пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу. Если он что-то сделал не так, то я...

— Скорее ты, — прервал его Волчонок, стряхнув пепел с сигареты и прищурившись на Цзы Яня. — Ты не из нашего круга, так что не стоит слишком сближаться с нашими людьми.

Цзы Янь не понял, задумался на мгновение и спросил:

— Что... что вы имеете в виду, брат Цзюнь?

Лысый сказал, что он прекрасно понимает, о чём речь.

— Ты ходишь в северный район к кому-то, разве я не знаю? Из уважения к Су Цюну скажу тебе прямо: если твой брат попадёт в логово волков, он вряд ли выберется живым. А ты со своим хрупким телосложением, если начнёшь связываться с нашими, они тебя косточки обглодают.

Цзы Янь понял, потому что его лицо стало печальным, даже немного испуганным, но он всё же объяснил:

— Нет, я не... я ничего не делал. Я просто познакомился с кем-то в северном районе, но у меня нет никаких дурных намерений...

На самом деле Волчонок давно хотел это сказать, ещё когда Бань Цзюнь показывал фотографии, он чувствовал, что Цзы Янь поступает неправильно. Он не считал, что Цзы Янь недостоин кого-то, наоборот, Цзы Янь был чист, и Сяо Цзян действительно хорошо его защищал. Но если он будет связываться с их компанией нелегалов, то потом уже не отмоется.

К тому же, что за люди были в той семье, с которой он встречался? Девушка и дети — это одно, они сменили личность и уехали, но их старший брат — нет, Лысый слишком хорошо знал, какими методами тот оказался здесь.

— Я не говорю, что у тебя дурные намерения, — ответил Волчонок, постучав по пачке сигарет и протянув Цзы Яню ещё одну, указывая на то, что его сигарета уже догорала. — Но ты тоже не давай нашим парням лишних идей.

Цзы Янь хотел что-то объяснить, но тут вышел Бань Цзюнь.

Волчонок спросил:

— Что, так быстро договорились? Ты ведь учишься танцевать, пусть он тоже разомнётся.

Старина Су в этот момент ограничивался уголком у стены, лишь изредка двигая ягодицами, так что солнечный свет даже не касался его. Он сопротивлялся каждому походу в туалет, не говоря уже о том, чтобы размять кости.

Бань Цзюнь сказал:

— Учиться, блин, танцевать.

Однако, увидев, что у Цзы Яня снова покраснели глаза, он не смог сдержаться:

— Что опять случилось? Почему ты так легко доводишь людей до слёз?

Волчонок не мог найти оправдания.

Но на самом деле Бань Цзюнь не совсем договорился со Стариной Су. Ведь Су ненавидел его, и если бы не Бань Цзюнь, его бы не загнали в это место.

Поэтому на просьбу Бань Цзюня о помощи он не только не ответил, но и саркастично заметил:

— О, я думал, ты уже угодил Сяо Цзяну, и теперь у тебя всё получается. Раз уж ты такой способный, зачем ты спрашиваешь меня, побеждённого?

Бань Цзюнь не стал объяснять, что после того инцидента Сяо Цзян даже не прикоснулся к нему. Между ними возникла атмосфера, похожая на холодную войну, хотя она не касалась рабочих задач. К тому же Старина Су был похищен без передачи дел, и Бань Цзюню приходилось разбираться во всём с нуля.

Су Цюн засмеялся:

— Вы, блин, настоящие романтики. Что, уволишься? Нет, ты не уйдёшь, ведь любовь спасёт мир. Сам разбирайся.

Бань Цзюнь подумал, что если бы он был Волчонком, то раздел бы его и заставил замолчать. Но, конечно, он так не сделал, просто посмотрел на дверь, затем на Старину Су и сказал:

— Цзы Янь всё ещё снаружи, так что следи за языком.

Именно поэтому Сяо Цзян пока не трогал Цзы Яня: пока он был снаружи, Старина Су не стал бы делать глупостей.

Он был его слабым местом.

Выражение лица Старины Су слегка изменилось, но ненависть стала ещё сильнее. Поэтому, хоть и неохотно, он всё же дал полезную информацию.

— В таможене есть человек, отвечающий за кадры, — сказал Старина Су. — Если он согласится, ты попадёшь в круг.

— Что мне делать? — спросил Бань Цзюнь. — Деньги, люди, или у него есть какие-то предпочтения?

— Его это не интересует, — ответил Старина Су. — Перед тем как меня забрали, его незаконнорожденный сын вернулся из-за границы и хотел устроиться в страховую компанию. Я занимался этим, всё устроил, так что ты можешь взять это на себя и заработать очки.

Бань Цзюнь поблагодарил и хотел уйти, но Старина Су остановил его. Ему не нужно было говорить, что именно он хочет услышать, поэтому Бань Цзюнь ответил:

— Цзы Янь снаружи, я позабочусь о нём.

Однако, подойдя к двери и открыв замок, он вернулся назад и с некоторым смущением спросил:

— Кстати, ещё один вопрос. Ты... ты ведь умеешь танцевать, правда?

Именно поэтому в последнее время Бань Цзюнь не только не оставался ночевать рядом с Сяо Цзяном, но и несколько раз спрашивал, не закончились ли вечерние мероприятия, чтобы уйти пораньше. В конце концов Сяо Цзян спросил:

— У тебя есть планы? Ты кого-то встречаешь?

— Да, — Бань Цзюнь даже взял с собой сменную одежду, и как только Сяо Цзян сказал, что рабочий день окончен, он переоделся в чистую рубашку. — Я встречаюсь со Стариной Су.

— С Су Цюном? — Сяо Цзян думал, что ослышался.

— Да, это не связано с работой, — честно ответил Бань Цзюнь.

Сяо Цзян не знал, удивляться ему или злиться, и с трудом спросил:

— Как у него дела с тем Вожаком?

— Ничего особенного, он в кандалах, заперт в комнате, возможно, его иногда используют, — Бань Цзюнь поправил пуговицы и сменил брюки, не стесняясь Сяо Цзяна, ведь тот уже видел его полностью.

— Так он поделился с остальными? — спросил Сяо Цзян.

Конечно, он хотел спросить, не стал ли Бань Цзюнь частью этого обмена, ведь в последнее

время, если он сам не начинал, Бань Цзюнь не проявлял интереса. Но он не хотел показывать свои эмоции слишком явно.

Бань Цзюнь не успел ответить, потому что зазвонил его телефон. Это был Лысый, который сказал, что ключ оставлен у братьев, а его вызывают на площадку, так что ему нужно срочно уходить.

— Подожди, — видя, что Бань Цзюнь торопится, Сяо Цзян напомнил:

— Не забудь про банкет, я заказал тебе новый костюм. И ещё, через несколько дней Юй Чэ прийдёт несколько ящиков товара, отдай их Леопарду в их квартал красных фонарей. Пусть попробуют, если понравится, договорись с Юй Чэ о заказе.

Бань Цзюнь ответил, что всё запомнил.

С этими словами он закрыл дверь и ушёл.

В тот момент в сердце Сяо Цзяна возникло странное чувство, но он быстро подавил его алкоголем.

В конце концов, он сам сказал, что не будет вмешиваться в личную жизнь подчинённых, так что, даже если Бань Цзюнь делился с другими, он не мог и не хотел это контролировать.

Даже если Бань Цзюнь презирал уозость мышления Су Цюна, он должен был признать, что тот действительно хорошо танцевал.

Много лет назад Су Цюн был похож на Бань Цзюня. После детского дома он просто работал в розничном магазине. Чтобы оплатить учёбу брата, он отказался от поступления в университет. Проработав несколько лет, он понял, что денег в магазине не хватает, и сдал экзамен на водительские права, чтобы работать ночью.

Работа водителем приносила неплохой доход, и благодаря трудолюбию его рекомендовали в порт Сяо Цзяна для перевозки грузов.

Бань Цзюню было сложно связать Су Цюна с теми водителями грузовиков, но Су Цюн утверждал, что это правда.

В Усяо была странная политика: если у человека был работающий родственник, и разница в возрасте составляла более пяти лет, он не мог получить пособие на обучение.